

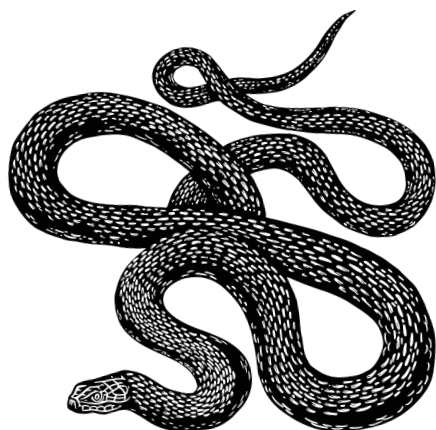
Здесь изнемог высокий духа взлет;
Но страсть и волю мне уже стремил,
Как если колесу дан ровный ход,
Любовь, что движет солнце и светила.

Данте Алигьери. «Рай»

Когда-то Пророчество Устрашающих считалось мифом, историей божественной мести, передающейся через века. Оно служило предупреждением о хаосе и разрушениях, что могут принести высвобожденные Смерть и Ярость. Историей, которую два врага должны были вспомнить задолго до того, как они прокляли друг друга в приступе ярости. В ту роковую ночь две могущественные магии сошлись воедино, лишив каждую из сторон возможности произнести — а порой даже вспомнить — всю правду. Проклятия имели еще более серьезные последствия, которые никто не предвидел. Тодами демоны и ведьмы напряженно ждали того дня, когда все, наконец, раскроется. Когда наступает этот полночный час, рекомендуется наполнить дом амброзией и нектаром и молиться Богине о пощаде.

Заметки из секретного гридуара
du Карло

Двадцать лет назад

Старейшины ковена редко соглашались в чем-либо, за исключением двух вопросов, которые считались их высшими законами: ни в коем случае не вызывать дьявола и ни при каких обстоятельствах нельзя использовать для гадания черные зеркала.

Как одна из лучших провидиц на острове, София Санторини считала, что некоторые правила следует нарушать, особенно когда последние видения продолжали нашептывать ей на ухо тревожные истории. Именно этот настойчивый ропот об опасном пророчестве, связанном с их проклятием, в конце концов убедил Софию украсть первую книгу заклинаний — единственный гримуар, в котором описывалось, как использовать темную магию. Судьба ковена вполне может зависеть от ее действий, несмотря на то, одобрены они или нет.

Хотя на последнем собрании слова совета не звучали столь уж мрачно. Да этого и не требовалось. София почувствовала изменение в магии, как птицы чувствуют

Царство страха

смену времени года, прислушиваясь к врожденному требованию улететь, чтобы выжить. На горизонте собиралась сильная буря. У Софии не было крыльев, а даже если бы и были, она отказывалась бежать без своей семьи.

Нарушить два правила, дабы спасти десятки ведьм, казалось правильным. Любая информация, которую София сможет собрать о проклятии до того, как Проклятые или Устрашающие отомстят, пойдет ковену только на пользу. Наверняка старейшины поймут.

Расположив черное зеркало на полу в храме Смерти вместе с книгой заклинаний, украшенной тиснением, она подобрала юбки и опустилась на колени. Ее пронзила дрожь, не имеющая никакого отношения к холодному камню, что ощущался сквозь тонкие слои муслина. Она уставилась в запретное зеркало, и его чернильная поверхность напомнила ей о тихих водах озера, которое она когда-то посетила, чтобы собрать камни для своих заклинаний.

Вот только на этой поверхности не было успокаивающего лунного света, который сиял над головой, благословляя ее путь. Фактически казалось, что зеркало пожирает весь свет, осмелившийся коснуться его. Неизвестно, какой демон подстерегает в неведомых глубинах и ждет, чтобы нанести удар.

София выдохнула, изгоняя страх. Пришло время сделать то, за чем она пришла, а потом вернуться домой к семье. Вытащив тонкий кинжал из кармана юбки, она поднесла острие к кончику пальца и нада-

Керри Манискалко

вила, пока не выступила капля крови — красная, как глаза дьявола.

Поднявшись на ноги, София подошла к алтарю в центре комнаты. Нельзя творить магию в храме Богини, не заплатив предварительно дань.

По обе стороны от алтаря в чашах для подношений, которые она зажгла ранее, потрескивал огонь, струйки дыма вились в воздухе, словно маня ее шагнуть в подземный мир. Она могла поклясться, что чувствовала на себе взгляды, наблюдающие из тени, в ожидании увидеть, хватит ли ей смелости пересечь запретную границу. София обвела взглядом тихую комнату, оставившись на двух человеческих черепах, которые она украла из монастыря. Темные дни призывали к еще более темным делам. Теперь она не дрогнет.

Держа проколотый палец над первой из двух чаш для подношений, она наблюдала, как капли крови шипят, а затем испаряются, встречаясь с пламенем. София быстро перешла на другую сторону алтаря и повторила ритуал со второй чашей.

Удовлетворенная тем, что заплатила Богине за защиту, она повернулась и забрала черепа, не обращая внимания на кровавый отпечаток, оставленный на кости. Снова опустилась на колени, положив черепа на северную и южную стороны зеркала, открыла книгу и начала читать заклинание.

Несколько напряженных секунд зеркало оставалось неизменным. Затем на его поверхности начал клубиться дым. Сначала медленно, а потом набирая ско-

Царство страха

рость, словно адские ветры, пронсящиеся через круги демонов, сбивая с толку бедные души, которым не повезло оказаться там.

— Богиня, защити меня.

София наклонилась ближе к зеркалу, желая узнать об их враге как можно больше. Любая информация могла оказаться ценной, тем более что с каждым проходящим полнолунием все их воспоминания медленно поглощались проклятием. Пока она смотрела в зеркало, окно в подземный мир приоткрылось, и София впервые увидела царство демонов.

— Покажи мне, как разрушить наше проклятие.

Зеркало пульсировало, как будто магия признала ее просьбу и согласилась исполнить желание. Вместо дыма на затемненном стекле начали мелькать странные образы, и София быстро поняла, что ей показывают историю через серию неподвижных картинок. Она тихо вздохнула. Несмотря на запрещенную магию, эти видения не отличались от ее обычных видений.

Магия заставила образы покинуть зеркало и закружиться вокруг нее, словно она оказалась в самом центре событий. София увидела темный тронный зал и разъяренного демона.

Появились фрагменты чего-то знакомого, но магия, должно быть, не сработала. Некоторые изображения не соответствовали их истории или тому, что София знала о пророчестве. Она наблюдала, как ведьма, должно быть Первая Ведьма, прокляла демона. Ее

Керри Манискалко

мечь и ненависть были настолько сильны, что София практически чувствовала их через иллюзию.

Затем она увидела странный колодец с кристаллами — тысячи камней памяти. Сцена снова резко изменилась, на этот раз показывая небольшой коттедж с видом на море. Молодая ведьма, которую она хорошо знала, держала камень памяти в одной руке и кинжал в другой. Первая Ведьма тоже была там, вручая ведьме камень, который заберет все, что та пожелает забыть. Изображения исчезли, нуждаясь в дополнительной подпитке магией.

— Подожди! — выкрикнула София.

В отчаянной попытке узнать больше она схватила череп, покоящийся на южной стороне, и прошептала заклинание. Череп раскололся, осколки кости разлетелись по темной поверхности — девушка надеялась, что зеркало использует их для подпитки. Так и вышло. Вот только снова они оказались не совсем такими, как она ожидала. София увидела свой остров, затем мелькнули другие незнакомые города и времена, проявляясь и занимая все пространство. Изображения наверняка неправильные. И все же... Если это не так, то все, что сказали им старейшины ковена, было ложью. В том числе откуда они взялись.

Какая глупость: это не может быть правдой. Решив разгадать тайну, она потянулась за последним черепом. У этого были рубины в глазах, дополнительный подарок для Богини, правившей мертвыми. София разбила череп и тут же перенеслась в другое время,

Царство страха

где оказалась та самая молодая ведьма из прошлого... Грубая рука опустилась на плечо Софии, отряхнув ее от видения. С бешено колотящимся сердцем София моргала, пока не прояснился храм Смерти. Испугавшись чего-то — или кого-то — оторвавшего ее от видения, она выхватила кинжал и вскочила на ноги, сосредоточив свое внимание на помешавшем ей человеке. Фигура в мантии откинула капюшон плаща, открывая знакомое суровое лицо.

Плечи Софии поникли, когда она опустила лезвие. На мгновение она испугалась, что вызвала врага.

— Хвала Богине, это ты. Я узнала кое-что невероятное о нашем проклятии и нашем городе. Я знаю, кто такая дочь Первой Ведьмы, по крайней мере, кажется, что знаю. Ты ни за что не поверишь, кто это.

София была слишком полна темной магии, слишком потрясена правдой, которую узнала, чтобы заметить опасный блеск в глазах другой ведьмы.

— И ты тоже.

— Не понимаю...

Легкое движение запястья, резкое слово — ведьма произнесла заклинание, которое отбросило Софию назад. Она головой ударилась об алтарь, и перед глазами мелькнула яркая вспышка, на мгновение оглушившая ее. София так и не смогла собраться с мыслями и произнести собственное защитное заклинание: ее разум раскололся, как зеркало, на которое наступила другая ведьма, уничтожив правду, все еще играющую на его темной поверхности.

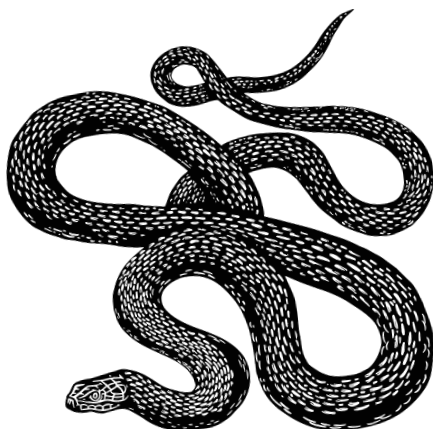
Керри Манискалко

София открыла рот, чтобы закричать, но обнаружила, что не в силах сказать ничего внятного. Вскоре она могла видеть только странные образы, которые показывало ей зеркало.

София собиралась позвать на помощь, но не могла вспомнить почему. Она уставилась в пространство, не видя, как другая ведьма достала первую книгу заклинаний и медленно пошла по храму, ни разу не взглянув на свою подругу. Все это время София тихо повторяла одну фразу, заклинание, благословение, мольбу.

Или, возможно, это был ключ ко всему...
— Как наверху, так и внизу.

ОДИН

Внезапно в спальне принца Гнева одновременно вспыхнули все свечи.

Несмотря на все попытки не усмехнуться, мои губы сами по себе предательски изогнулись вверх. Принц стоял на балконе, отслеживая происходящее внизу, а затем переместил внимание на мой рот, задержавшись там на долю секунды дольше, чем требовалось.

От его пылкого взгляда по моему телу разлилось другое тепло как раз в тот момент, когда в камине вспыхнуло пламя с золотыми наконечниками, бешено шипя и потрескивая.

Это было приятное чувство, особенно после холода, охватившего меня ранее и поселившегося в костях. Когда я увидела свою сестру в Тройном Лунном Зеркале, во мне надломилось что-то жизненно важное.

Кое-что, на чем я сейчас не хотела заострять внимание.

Сброшенная туника лежала у моих ног, и я остановилась у кровати Гнева. Я знала, что огонь в комнате

Керри Манискалко

пылал не из-за одноименного греха. Это было желание, которое он изо всех сил пытался контролировать; страсть, что я зажгла, когда выбрала его — точно зная, кто он такой, — и согласилась стать его проклятой королевой. Поскольку он уже украл мою душу, теперь я предлагала ему свое тело. Без игр и волшебных уз, связывающих нас. Не думая о Виттории и о том, как мое сердце сжималось каждый раз, стоило мне вспомнить об обмане сестры.

Глаза защипало от непролитых слез при одной только мысли о ней, и я отчаянно попыталась обуздать свои эмоции. Гнев почувствует мою боль, но я сейчас не хотела об этом говорить. Это горе подождет, пока завтра я не встречу свою близняшку на таинственных Изменчивых островах и не услышу, что она хочет сказать. До тех пор я не хотела тратить ни минуты на размышления о том, почему она инсценировала свою смерть. Или как она могла так долго причинять мне столь ужасную боль. Я уже потратила на Витторию месяцы своих слез и ярости, пока пыталась отомстить за нее.

Сегодня мне нужен был только Гнев. Самаэль. Король демонов. Самый опасный из семи бессмертных принцев Ада. Генерал войны и настоящий дьявол. Искушение и грех во плоти. Для кого-то кошмар, но для меня он в настоящее время выглядел как сон. И если проклятый демон сейчас не будет валяться со мной между простынями, я уже сама готова устроить настоящий ад.

Царство страха

— Так и собираетесь стоять там всю ночь, ваше величество? — Я изогнула бровь, но в ответ Гнев лишь слегка прищурил свои золотистые глаза. Упрямое, недоверчивое создание. Только он мог задаться вопросом, почему я нагая стою перед его кроватью, а не просто даю волю его низменным, плотским побуждениям, как я того желала. — Если тебе нужны дополнительные доказательства моего решения...

— Эмилия.

То, как он произнес только мое имя, заставило меня приготовиться к разочарованию. Его тон указывал на то, что нам нужно все обсудить, а в данный момент я не могла представить ничего хуже разговора. Разговор привел бы к слезам, и это заставило бы меня признать, насколько глубоко на меня повлияла встреча с Витторией. Я бы предпочла раствориться в притягательных поцелуях Гнева.

— Пожалуйста, не надо, — тихо сказала я. — Я в порядке. Правда.

Демон выглядел настороженным и неуверенным. Однажды он сказал мне, что я должна хотеть, но никогда не нуждаться, однако сегодня я испытывала и то и другое, и мне было все равно, ослабит ли это меня. Я молилась, чтобы он не отправил меня в мою спальню. Я не могла вынести одиночества. Мне нужен комфорт, связь, немного спокойствия, которое мог дать только он.

В этот момент прозрачные занавески, отделяющие его спальню от балкона, затрепетали на зимнем ветру,

Керри Манискалко

призывая его присоединиться к полуобнаженной королеве. Как будто само царство хотело, чтобы мы, наконец, объединились. С мягко мерцающими свечами и полуночными тканями спальня излучала тихую чувственность. Это была комната, созданная для всякого рода шепотов: когда слова произносятся нежно, благоговейно, губы в губы, а одежды с тихим шелестом медленно скользят по коже.

Все это я хотела испытать с принцем одновременно.

По его собственному признанию, Гнев предпочитал словам действие. И вспомнив об этом, я сделала свой ход. Он неподвижно стоял снаружи, наблюдая, как я наклоняюсь и сбрасываю сапоги. Что случилось? Он уловил мои эмоции по поводу Виттории и неправильно их истолковал, или же он все еще не верил, что я хочу сделать следующий шаг в принятии нашего брака. Секс был одним из двух последних действий, необходимых для того, чтобы мы стали мужем и женой. Конечно, мы могли бы заняться сексом и без свадьбы, но я хотела завершить нашу связь.

Учитывая, как мы впервые встретились — я вызвала его в Палермо, а затем случайно навсегда связала его со мной — и как мы оба поклялись ненавидеть друг друга и даже не целоваться, я понимала, почему он беспокоится.

Несколько месяцев назад я бы тоже назвала сегодняшний вечер маловероятным. Это было до того, как я поняла, что между нами есть нечто большее. Что я пылала к нему страстью столь же жаростно, как огнен-